

С. Б. Сорочан

Случайность или система? Раннесредневековый византийский «меркантилизм»

Как известно, меркантилистские устремления любой модификации характеризуются вмешательством государства в хозяйственную жизнь и политикой, направленной на поддержку собственной экономики [1, с. 79-101; 2, с. 241-249; 3, с. 186-187; 4, с. 48-55]. Ведь по сути дела меркантилизм, не будучи системой, всегда являлся настойчивым, эгоистичным напором любого территориального централизованного государства, а в конечном счете — только политикой «каждый за себя». Даже в великих решениях классического меркантилизма не было ничего нового, ибо, по замечанию Ф. Броделя, куча аналогичных мер обнаруживается в западноевропейских средневековых государствах еще в XIII-XIV вв. [24, с. 550-551]. Однако оценки их все же неоднозначны, так как зависят от общей экономической политики, проводимой каждым конкретным государством в ту или иную эпоху. Само собой разумеется, мы не имеем в виду учение меркантилизма, а лишь те эмпирически утвердившиеся методы государственной торгово-экономической политики, которые могли бы соответствовать отдельным элементам, имманентным этой доктрине о развитии товарно-денежных отношений под контролем неограниченной монархии.

Считается, что античность не знала идеи протекционизма, поддержки импорта предметов первой необходимости, равно как и заботы о балансе торговли [5, р. 164]. В средневековой Европе скорее господствовал принцип свободы торговли, ибо обложению пошлинами или освобождению от них подвергались в одинаковой степени как товары местного происхождения, так и товары иноземные [6, с. 168-170, 177-179, 192, 196-197, 204, 207-221 и др.]. Даже там, где наблюдалось участие государственных властей в торговле, ментальная оценка этого была негативной, как на мусульманском раннесредневековом Востоке, где купечество было недовольно тем, что султаны произвольно устанавливали цены, забирали в казну ряд экспортируемых товаров, скупали их по твердым ценам, не позволяли конкурировать с ними на равных, и вообще превращали торговлю в орудие притеснения [7, с. 293]. Казалось бы, регламентации и контроль над ремеслом и торговлей, наблюдавшиеся со стороны правительства в раннесредневековой Византии, тоже должны были оцениваться отрицательно, однако среди исследователей поддерживается статистская мысль о том, что в империи благодаря ее развитой централизованной бюрократической государственности вплоть до X в. существовали «райские» условия для протекционизма и обеспечивалась экономическая и политическая мощь страны [8, р. 74; 25, с. 154-178; 9, р. 171-182; 10, р. 139-148; 11, с. 261]. Однако несогласные с этим, подобно Г. Л. Курбатову и Г. Е. Лебедевой, полагают, что ранневизантийское государство VII-IX столетий было вынуждено более приспособляться к меняющимся экономическим реалиям, нежели имело возможность активно воздействовать на их развитие [12, с. 171]. Спор бесперспективен, поскольку эта проблема требует не только более пристального рассмотрения, но прежде всего акцентирования анализа преимущественно на тех как бы случайных моментах торгово-экономической жизни Византии, в

которых могли проявляться тенденции к некоему условному «меркантилизму».

Прежде всего обращает внимание наличие запрета на вывоз за пределы империи. Такая политика византийского правительства по контролю за «запретными» и «предпочтительными» для торговли товарами была продолжением подобных мер, начатых режимом домината в Римской империи, но в Византии она приобрела некоторые новые черты. В позднеимперский период запрещалось вывозить из империи хлеб, соль, железо и точильные камни; в то же время налоговыми льготами пользовались лица, ввозившие предметы для нужд фиска, императора, а также различные вещи, предназначенные для императорских войск внутри империи [13, р. 475]. В ранневизантийский период, начиная с 321 г., привилегиями стали пользоваться объекты экспорта, подлежащие использованию в сельском хозяйстве [59, IV, 61, 5], продолжали оставаться льготными предметы, предназначенные для нужд двора и армии. К запрещенным товарам прибавились: вино, оливковое масло, соус, лен, шерсть, точильные камни, отделанные железом, оружие и материалы, из которых оно изготовлялось, и, что особенно важно, золотые и серебряные изделия, жемчуг, драгоценные камни, а также слитки золота, серебра и деньги из них [58, XXXIX, 4, 11; 59, IV, 41, 1-2; IV, 63, 2; 60, LVI, 1, 20; 55, II, 4]. Последнее весьма напоминает спонтанные попытки установить «денежный баланс», возможный в условиях наличия в империи относительно небольшой денежной массы. То, что богатство страны состоит в накоплении драгоценных металлов, было для византийских императоров аксиомой задолго до того, как эта идея стала осуществляться западноевропейскими меркантилистскими государствами. Именно отсюда проистекало стремление властей не только сохранить, но и всячески увеличить денежную массу, находившуюся в пределах империи, поскольку, как объяснял Лев VI в одной из своих новелл, «...нужду в деньгах считали своего рода болезнью и несчастьем и старались избежать этого...» [61, № 52 р. 227; 41, с. 47]. Зависимость силы государства от величины нерастраченных собственных денег, драгоценностей была совершенно очевидной для правящих кругов. Золото и серебро, не покинувшие пределы империи, служили самой надежной гарантией. Именно поэтому в разбазаривании накопленных денег на чрезмерно щедрые подарки «варварам» обвинял Юстиниана Прокопий [62, XIX, 4-16]. Это было то, что вслед за Ф. Броделем можно назвать «выражением базовой истины» [24, с. 554].

Впрочем, такой правительственный надзор за драгоценными металлами можно было удерживать лишь при относительно небольшом объеме внешнеэкономических связей, но при наличии международной, трансконтинентальной торговли запреты на выпуск денег из Византии представлялись затруднительными, о чем свидетельствуют периодические находки византийских золотых монет не только на пограничных окраинах самых отдаленных лимитрофов и анклавов империи, но и за их пределами. К тому же политику задерживания денег в стране нельзя оценить как удачную «меркантилистскую меру», поскольку она должна была стеснять развитие сбыта византийских товаров.

Кроме того, власти регламентировали хлебную торговлю, запрещая вывозить зерно из провинции в провинцию, устанавливая цены на хлеб, издавая законы против скупщиков-спекулянтов. Такая же политика по контролю над ценами осуществлялась в отношении прочих основных продуктов питания, по крайней мере рыбы, мяса, самых необходимых товаров широкого потребления, топлива, одежды [63, р. 76, 11-14; 14, с. 325; 64, р. 87, III, 3; 15, с. 97; 65, IV, 8; VI, 5; 60, VI, 4, 2; 55, II, 2; VI, 14; IX, 2; 5; XI, 5; XIII, 3, 5; XV, 2; XVI, 2; XVII, 1; XVIII, 1; XIX, 1; 66, р. 374,1]. Продавцы наиболее ходовых вещей и продуктов под страхом наказания должны были довольствоваться лишь небольшой четко определенной прибылью. С той же целью требовалась только публичность продажи товаров; в ряде случаев запрещалась их спекулятивная перепродажа [16, с. 196]. Власти следили за тем, чтобы на рынках существовал подвоз хотя бы самых необходимых продуктов удовлетворительного качества и соблюдались рыночные, так называемые «справедливые цены». Таким своеобразным «продуктовым протекционизмом» правительство преследовало фискальные цели, а также стремилось предотвратить опасность голодовок и связанных с ними волнений. Сами власти из века в век

объясняли эти запреты соображениями секретности, тем, что нельзя передавать «племенам» все то, что могло повредить Византии и сделать более сильными ее врагов [61, р. 230-234]. Это объяснение принято византинистами, хотя оно может быть правильным лишь отчасти. Во-первых, запреты касались не только враждебных государств. Во-вторых, выгодная торговля продуктами питания обогатила бы в первую очередь казну самой империи, как это случилось в правление никейского императора Иоанна III Дуки Ватаца (1222-1254), способствовавшего торговле продуктами с турками [67, vol. 1, р. 42, 20-43, 9]. В-третьих, первоначально запрещалось вывозить лишь сырье и продукты питания, а об оружии не говорилось ничего. Следовательно, изначальная цель запретов на вывоз определенных товаров не преследовала исключительно заботу о безопасности империи. Похоже, что экономическое состояние ранней Византии привело к двум плачевным результатам: дефициту сельскохозяйственной продукции и вывозу из страны не ремесленных изделий, а сырья и золота. Стремясь ликвидировать дефицит того и другого, императоры были вынуждены издавать законы с этими запретами, лицемерно пытаясь скрыть их истинную причину. Такая политика сопровождалась определенным ограничением ассортимента, а значит и объема внешнеторговых связей, и проводилась до XI в., однако, как рассуждает А. Дюселье, ее нельзя считать по-настоящему протекционистской, поскольку в дальнейшем она оставила Византию незащищенной перед натиском конкуренции западноевропейских торговцев [17, р. 181-187].

Активный протекционизм должен был быть связан с последовательным запрещением ввоза иноземных товаров, то есть того, что византийцы называли εἰσάγῃ или εἰσφορῆν. Однако сложилось мнение, что императоры в это время стремились к расширению не вывоза, а ввоза, необходимого прежде всего столице, и поэтому покровительствовали константинопольскому ремеслу и торговле, отстаивая их стабильное, монопольное положение, тогда как все прочие виды поощрения, все льготы существовали только для импортеров [18, с. 34; 11, с. 256; 12, с. 160, 164]. Это делалось для упрочения популярности правящих василевсов среди столичного населения в расчете на его помощь в случае очередной междоусобицы или попытки дворцового переворота. Забота же о ввозе товаров в провинции Романии оставлялась «центром» без внимания и целиком перекадывались на местных купцов и международных посредников [19, р. 161-178]. Отсюда политика правительства состояла только в том, чтобы обеспечить импорт как можно большего количества товаров по низким ценам, тогда как экспортировать старались «как можно меньше и подороже» [55, с. 213]. Но протекционизм — это не одно лишь стеснение ввоза. Между тем именно из такого ограниченного понимания этого явления исходил М. Я. Сюзюмов, когда заявлял, что «никакого протекционизма... в Византии не было и не могло быть... Самая мысль об ограничении ввоза импортных товаров в целях укрепления материального положения местных торговцев была бы совершенно непонятной людям того времени» [55, с. 213-214]. Действительно, даже в эпоху Юстиниана, когда неотъемлемыми элементами деятельности византийского правительства стали торговые интересы страны, поиски торговых путей и защита византийского купечества, морские таможенные пошлины на Геллеспонте и Босфоре взимались с иноземных купцов в четыре с лишним раза меньшем размере, чем с ромейских торговцев (2% против 8,33%) [20, р. 108; 21, с. 27]. Однако в дальнейшем в таможенной политике Византии стала проявляться новая тенденция — непоследовательный «меркантилизм» по отношению к ввозу товаров. Потеря империей основных центров разведения шелковичного сырья в Сирии заставила византийское правительство поощрять ввоз сырья для снабжения собственного шелкового производства, обеспечивавшего международное влияние империи, поскольку продукция его пользовалась повышенным спросом со стороны других стран Европы [11, с. 143-144; 22, с. 112-113]. Устанавливая в VI-VII вв. ставки цен на метаксу, приобретаемую через коммерциариев за границей [68, пов. V, р. 540-547], власти тем самым стремились защитить византийских торговцев от иноземных, которые вынуждены были сдерживать цены на свой товар и подгонять их величину к византийским тарифам. В этом же направлении действовал строгий запрет

перепродажи метаксы иноземцам и ограничения в закупке шелка провинциальными купцами суммой в 10 номисм, а позже покупателями с Руси — 50 номисм [23, р. 35; 11, с. 231, прим. 30].

Невзирая на причины, вызывавшие такие меры, они отчетливо выступают в издании императрицей Ириной после переворота 15 августа 797 г. указа о снижении пошлин вообще со всех кораблей, ввозивших какие-либо грузы в столицу, что должно было уравнивать импортерские возможности местных и иноземных контрагентов [69, р. 475, 17-18]. Примечательно, что эта акция была встречена широкими предпринимательскими кругами с одобрением. Те, кто в IX-X вв. доставлял в Константинополь шелковые ткани и другие восточные товары, тоже освобождались наравне с их покупателями от всяких торговых пошлин, если распродажа происходила в митате [55, VI, 5]; для венецианских же торговцев, вывозивших товары из столицы за пределы империи, хотя они и считались византийскими подданными, устанавливался таможенный сбор, в семь раз превосходивший тот, что взимался с ввозивших товары [18, с. 34].

Наконец, право столичных систем на приобретение оптом сразу значительной части необходимой продукции, привозных товаров, сырья вызывало снижение цен на них и по существу являлось частью мер протекционистского характера, обеспечивавших льготы членам корпораций, поскольку у иноземных купцов иногда не было других вариантов реализации своих товаров [55, V, 3; VI, 8; IX, 3]. Их конкурентоспособность к тому же существенно ослаблялась ограничением срока проживания в Константинополе несколькими месяцами, чего не было раньше, в VII в. [31, с. 20]. Согласимся, что византийское государство вело в этот период политику весьма далекую от раздачи льгот и привилегий иноземным торговцам, какую будет вынуждено проводить позже.

Одним из характерных проявлений системы протекционизма Е. А. Черноусов считал запрет мылоторговцам на торговлю импортным «галльским» мылом, нарушение которого каралось огромным штрафом в 24 номисмы и изгнанием, то есть было уголовно наказуемым [55, XII, 4; 25, с. 166]. Однако М. Я. Сюзюмов связывал этот запрет с тем, что *καλλικόν* употреблялось для нужд императорского двора и пользование им было «исключительной привилегией» [55, с. 213]. Видимо, можно по-разному объяснять феноменологию этой меры, но в любом случае перед нами совершенно недвусмысленное указание, направленное на создание препятствий для проникновения в страну конкретного товара в широком масштабе. Причем именно такого товара, который мог быть самостоятельно произведен в мастерских империи. Ни восточные, сирийские одежды, ни льняные изделия, ни тем более метакса, пользовавшиеся высоким спросом в империи, таким заградительным мерам не подвергались. Учитывая развитый уровень мыловарения на Западе, эта запретительная торговая политика объективно должна была помогать местному византийскому производству, независимо от устремлений императорской власти.

В целом ограничения деятельности купцов из числа *ευντοκῶν*, оптовые закупки, пошлины можно охарактеризовать как меры, направленные против конкуренции извне. Широкой группой товаров, имеющей иммунитет от пошлин, были лишь предметы, относящиеся к сельскому хозяйству. С другой стороны, издавна поощрялся вывоз, как это видно из известного закона 381 г., изданного Грацианом, Валентинианом и Феодосием и повторенного в юстиниановом своде права [70, IV, 14, 8; 59, IV, 61, 8]. Однако это поощрение касалось не всего экспорта, а лишь ремесленной продукции, в чем был определенный смысл. Не случайно положения, поощряющие ввоз продовольствия в город и ограничивающие его вывоз, содержались во всех средневековых фуэрос Кастилии, где города, как ранее большинство византийских, играли роль военных укреплений, ведших одновременно аграрную и торгово-ремесленную деятельность [26, с. 152-154]. Такой политикой власти могли поддерживать сельское хозяйство и расширять приток продукции этой отрасли. Вместе с тем решалась проблема губительного в условиях узкого рынка кризиса перепроизводства в торгово-ремесленной сфере.

Похоже, что в раннесредневековом византийском обществе шло постепенное вызревание идеи протекционизма, поэтому в дальнейшем она не явилась ни чем-то привнесенным,

заимствованным у «латинян», ни тем более неожиданным. В самом деле, позже подобную политику пытались уже вполне дискурсивно проводить никейские императоры, особенно Иоанн Батац, византийские императоры Андроник II Палеолог, Иоанн V Палеолог, Иоанн VI Кантакузин; на ней настаивал Георгий Гемист Плифон, представивший целостную программу экономических реформ деспоту Морей Феодору II и василевсу Мануилу II Палеологу [71, р. 77, 14-19; 80, 1-8; 258, 18-23; 67, vol. 1, р. 41-44, 229; 27, р. 77; 28, № 2945, 2956; 29, № 342, 551, 575; 30, s. 22 (IV, 2); 22, с. 172, 175].

Одна из обычных меркантилистских мер предусматривает обязательную трату всех денежных сумм, вырученных от продажи иностранцами, на покупку местных изделий. Известно, что византийское правительство стремилось не допускать непосредственных торговых сношений между иноземцами на территории империи, обязывая последних продавать свои товары только ромеям и делать у них закупки [31, с. 19-20]. Поскольку вывоз золота и денег находился под запретом, иноземцы были вынуждены либо полностью реализовывать в пределах Романии полученную выручку, либо вести с византийцами натуральную, меновую торговлю [32, с. 165-174].

Принцип покупать дешевле в одной стране и продавать дороже в другой, видимо, тоже периодически осуществлялся на практике. Во всяком случае Т. Н. Берадзе, оригинально трактуя известное сообщение Прокопия Кесарийского, высказал предположение, что в начале 40-х гг. VI в. константинопольское правительство передало право монопольной морской торговли с Колхидой на откуп одной из византийских корпораций, интересы которой защищал архонт Иоанн Цив, присланный в Эгриси [33, с. 68]. Эта корпорация стала навязывать лазам покупку продуктов по завышенным ценам, а экспортировала сырье и рабов из Эгриси в Византию по заниженным ценам, что вызвало восстание местного населения лимитрофа и призвание ими персов в 542 г. Но эти же действия можно расценить и как попытку проводить политику, адекватную «меркантилистской», и в этом случае Иоанн Цив явно осуществлял требования официального императорского торгово-экономического курса. В самом деле, обычно щедрый на комментарии Прокопий промолчал о том, как относился к происходившему василевс, что он не преминул бы сделать, если бы Цив был наказан за самоуправство, вызвавшее в итоге тяжкие политические последствия [56, II, 15; II, 17, с. 124-131]. Однако надо заметить, что мы не располагаем столь же яркими примерами подобной политики для более позднего времени, в отличие от отчетливо проявившейся ко второй половине IX в. тенденции на поощрение монопольных торговых союзов. Такая политика привилегий всегда адресовывалась не всем, а совершенно определенным слоям [34, с. 40-43]. В данном случае монополия выражалась в ограничении или даже полном устранении со столичного рынка изделий не-членов систем. Наиболее наглядно это воплотилось в разрешении иногородним продавать льняные изделия и бамбакиновые одеяния только в розницу, тогда как оптовые закупки у них могли делать исключительно члены соответствующей системы офониопратов [55, IX, 1]. Прочие желающие приобрести льняные вещи не имели права перепродавать товар другим. Привозившие изделия из льна «извне», то есть со стороны, должны были продавать их не иначе, как «неся на своих плечах», тогда как члены системы офониопратов могли выставлять любое количество своих товаров на стационарных прилавках и в эргастриях [55, IX, 7]. Находясь в Константинополе разрешенные три месяца, иноземные торговцы уже только поэтому не могли составить серьезной конкуренции местным городским купцам. Все это напоминает меркантилистский по сути институт «хозяев» и «гостей» среди торговцев. Кроме того, в подобной практике прослеживаются элементы такой издавна известной в средние века фундаментальной нормы торгового права, как неполное складочное, или стапельное, право, действием которого подлежали главным образом иноземные купцы и которое ставило местных торговцев в значительно более привилегированное положение по сравнению с иноземными. М. Я. Сюзюмов был вынужден согласиться с тем, что предоставлением местным торговцам ряда льготных прав для приобретения товаров у приезжих импортеров правительство выражало покровительство собственной торговле страны [55, с. 214]. Они

могут быть приравнены к тем антиконкурентным мерам, в основе которых лежала протекционистская идея, наличие которой в Византии IX-X вв. М. Я. Сюзюмов отрицал.

Политика меркантилизма, как правило, связана с развитием мореплавания и флота. Симптоматично, что закон Гонория и Феодосия от 419 г., запрещавший под страхом смертной казни (*capitale supplicium*) обучать варваров судостроению [70, IX, 40,24], настойчиво повторялся в юстиниановом законодательном своде [59, IX, 47, 25], а затем в официальных и частных юридических компендиумах VIII-IX вв. [57, XVII, 30; 72, XVII, 60]. Однако запрет на выезд в «чужие страны» отдельных категорий купцов (метаксопратов) с целью покупки там товаров, по мнению М. Я. Сюзюмова, ослаблял стимул к развитию местного судостроения и давал особые выгоды иностранцам, с течением времени вытеснивших византийцев из внешней торговли [55, с. 171]. Едва ли можно согласиться с подобной посылкой. Сдерживание судостроения могло быть весьма относительным, так как морская торговля Византии в VIII-IX вв., безусловно, развивалась и эволюционировала в сторону постепенного усложнения своей структуры, роста числа судов, хотя и не была связана с какими-либо кардинальными нововведениями. Предпринятое переиздание особого *Νόμος Ναυτικός*, дошедшего в двух версиях, уже само по себе указывает на возросшую потребность коммерческого социума иметь такой узкоспециальный правовой свод утилитарного назначения, немислимый в условиях упадка морского дела и примитивности его организации [73, р. 91-103; 35, р. 429sq; 36, р. 162, note 2; 37, р. 755-756]. Конечно, только иноземные купцы могли поставлять ряд товаров, но выгода от продажи их благодаря системе особых, одобренных государством предписаний в значительной степени уходила из их рук в руки местных перекупщиков. Государственная власть в своей политике в области морской торговли, опасаясь укрепления позиций знати, более склонялась к покровительству торговцев, навклиров-судовладельцев, чем объективно способствовала прогрессу. Власти заботились об обеспечении судоходства собственных подданных, что проявилось в охране морских коммуникаций, предоставлении государственных кредитов судовладельцам, выработке собственного автономного таможенного тарифа и института таможенных досмотрщиков; они не препятствовали транзитной торговле по всей империи, даже пытались отстаивать господство на водных путях, ведя если не «борьбу за моря», то по крайней мере осуществляя перманентную борьбу на морях. Со второй половины VIII в. эти усилия невозможно не заметить.

Объективно василевсам было выгодно развитие ремесла с целью увеличения сбора налогов со всего торгово-ремесленного континуума и производства товаров на экспорт. Для этого в империи, несмотря на ее территориальные потери, продолжали сохраняться необходимые условия, особенно проявившиеся с IX в. В течение VII-VIII вв. Константинополь сосредоточивал многие виды производства, привлекал «андрас технитас», а с IX в. стал своеобразным «мировым» центром производства с высокой технологией [38, р. 58; 22, с. 76-77, 88, 112-113]. Отсутствие сильных потрясений в кредитно-денежной сфере, серьезных, резких спадов торговых связей и, напротив, их постоянство показывают, что в основе византийского ремесла и торговли лежала относительно глубокая товаризация, ориентированная преимущественно на продажу. Г. Л. Курбатов признает, что, несмотря на проводимую государством политику поощрения импорта, с ростом городов и формированием феодальных отношений Византия IX-X вв. стала производить уже больше товаров и на экспорт [38, с. 231]. Причем изделия византийского ремесла не только не уступали иноземным товарам, но были своеобразным эталоном для мастеров других раннесредневековых стран. Пользуясь выражением Фемистия, можно сказать, что Константинополь продолжал оставаться «мастерской великолепия» [74, XIII, 205-206], а византийские товары распространялись на территории от Ирландии до восточнославянских земель [22, с. 112-113]. Еще очень далеки были времена, когда, по словам печалившегося Никифора Григоры, станет невозможным отличить по одежде ромей от иноземца, а западноевропейские изделия начнут теснить греческие [67, vol. 3, р. 555-556]. Пока же, во второй половине IX в., развитие византийской торговли, денежной системы и городской жизни в целом происходило под императорским покровительством и исходило из интересов императорского

двора [23, р. 16; 39, р. 48]. В этом плане весьма интересно наблюдение Ю. Л. Шаповой, позволяющее установить, что государственная и церковная политика того времени была направлена на поощрение стеклоделательных мастерских, производивших дорогие сосуды для царских подарков, дворцовых церемоний, а также эргастриев по производству стеклянных бус, предназначенных для обмена на импортные товары, тогда как производство бытовой посуды широкого потребления, напротив, сдерживалось [40, с. 1034]. В этом тоже видится «меркантилистская» ориентация экономической политики, предусматривавшей поощрение выгодных для государства видов торгово-ремесленной деятельности и стеснение невыгодных. Особенно примечательны меры Льва VI Мудрого, направленные на поддержку ряда городских ремесел, оживление предпринимательства, торговли, связанных с ними ростовщичества и кредита, на развитие временных и постоянных торгово-ремесленных организаций корпоративного типа, расширение добычи золота и серебра, улучшение денежного обращения и укрепление товарно-денежных отношений, что отразилось на повышении активности византийского купечества в отношении международных рынков [41, с. 32-49; 11, с. 179; 22, с. 113, 116]. Однако раннесредневековая Византия не могла иметь характерную для настоящего меркантилизма систему активного торгового баланса, который обеспечивался путем вывоза готовых местных изделий и при помощи посреднической торговли. И то, и другое присутствовало в хозяйственной практике, но не доминировало. Даже в договорах, касающихся торговых вопросов, правительство старалось придерживаться принципа взаимной выгоды и уничтожения привилегий сторон. Именно так был построен мирный договор 716 г. с болгарами, торговые клаузулы которого болгарский «архигос» стремился возобновить в 812 г. [69, р. 497, 16-26; 42, р. 29-31]. Этому же принципу отвечал договор 717 г. с арабами, одним из первых пунктов которого стояло требование беспрепятственной торговли купцам как с одной, так и с другой стороны [43, с. 1-7; 44, с. 153-183]. В целом наблюдался пассивный баланс торговли, особенно столицы, который Г. Г. Литаврин считает искусственно поддерживаемым и невыгодным в силу непрерывного отлива византийской монеты за пределы империи [45, с. 27]. Последнее утверждение требует корректировки, поскольку иноземцам было выгоднее вывозить не деньги, а византийские товары, разрешенные к экспорту. Пассивный баланс торговли был делом обычным и, похоже, наблюдался у торговых портовых центров и в позднюю античность. К примеру, Херсонес Таврический явно ввозил больше, чем вывозил собственной продукции [46, с. 60-76, 99; 47]. Очевидно, посредническая торговля, которой интенсивно занимались такие города, частично компенсировала избыток привозных товаров над экспортируемыми. Этот вариант нельзя исключить и для раннесредневекового Константинополя, который был транзитным центром для продукции самых разных регионов [48, с. 104-107]. Показательно, что такой же политики придерживались другие крупные города, такие как Амастрида, важнейший портовый центр Пафлагонии, жители которого, по словам автора похвалы Иоакиму Амастридскому, обеспечивали себя во второй половине IX в. за счет поступления в город самых разнообразных товаров, которые завозили сюда иноземные торговцы, стремившиеся обменять их на то, что найдут в Амастриде [49, col. 421]. Поэтому опасным для экономики Византии надо считать отнюдь не то, что весь тогдашний мир торговал в Константинополе, а полудобровольный отказ большинства городов самостоятельно экспортировать собственные товары на иноземные рынки. Предпочтение было отдано наименее хлопотному пути предоставления разрешений чужим торговцам осуществлять импорт на византийские рынки и экспортировать византийскую продукцию. Г. Л. Курбатов утрирует ситуацию, когда заявляет, что византийские торговцы не имели материальных возможностей для организации продажи товаров на иноземные рынки [22, с. 113]. Уровень византийской торговли вполне соответствовал такой задаче. Однако по иронии судьбы баланс экономических сил действительно оказался к IX в. настолько в пользу византийцев, что им не надо было заботиться о сбыте, ибо покупатели, одновременно выполнявшие роль посредников, сами спешили явиться к ним. Наряду с последующей заменой ромейского флота итальянскими кораблями это явилось, по выражению Г. Магулиса, «смертельной экономической ошибкой» (*grave economic fallacy*) [50, р. 120].

Византийское правительство периодически оказывало дипломатическую помощь внешней торговле, но не поддерживало распространения торгового капитала, не вело политики захвата колоний, и если повышало налоговое обложение, то отнюдь не для финансирования торгово-экономических мероприятий и коммерческого предпринимательства. Средства, получаемые от ремесла, торговли, тратились государством преимущественно на содержание, благоустройство императорских дворцов, обеспечение двора, армии. Ни в одном из десятков государственных ведомств мы не найдем чиновника, который отвечал бы за вкладывание средств специально в развитие торговли и ремесла. Тем самым «меркантилистские поползновения» византийского правительства были весьма ограниченными, зачастую стихийными, несмотря на то, что нужда в деньгах, вызываемая повседневными, реальными экономическими потребностями, постоянно действовавшим военным фактором, дорогостоящими расходами, необходимостью платить дань и делать «подарки», побуждала государство поощрять оборот товаров, денежное хозяйство и особенно накопление в стране денег, драгоценных металлов, чем были одержимы все василевсы. Хотя свободная торговля не располагала к возникновению условий, необходимых для «меркантилизма», однако время от времени в политике государственной власти проявились случайные, лабильные, слабо сцепленные между собой тенденции меркантилистской окраски. Настоящего протекционизма здесь не могло быть уже хотя бы потому, что разделение понятий «внутренняя» и «внешняя» торговля в раннесредневековой Византии было весьма условно [31, с. 19]. И все же экономическая политика правительства определялась некоторыми отдельными «принципами меркантилизма» и была отмечена печатью непосредственного, но оригинального протекционистского покровительства, по крайней мере по отношению к экономике столицы. Нельзя как переоценивать действительные масштабы этого явления, лежавшего вне дизъюнкции тогдашнего экономического мышления и государственных устремлений, так и вовсе не замечать его. Такого рода меры и постановления не следовали одно за другим, но в некоторых императорских распоряжениях можно найти неосознанное отражение новаторских «меркантилистских идей». Конечно, настоящих торговых войн или войн, инспирированных интересами торговцев, Византия, как и античность, не знала, хотя очень похожая ситуация создалась в конце IX в. между империей и Болгарским царством, что вылилось в своеобразное экономическое противоборство, где рычагом воздействия на противную сторону для византийских властей служили ставки пошлин, налагаемые на болгарских торговцев [51]. Эта «торговая война», как и любая другая, вызвала на долгие годы если не полное, то частичное прекращение нормальных торговых сношений обеих сторон. Во всяком случае Ж. Натан, Г. Цанкова-Петкова и Б. Малих оценивали эти события как «первую экономическую войну в средневековой европейской истории» [52, с. 47 сл.; 53, с. 161 сл.; 54, s. 74f.], что весьма показательное для оценки уровня, которого достигла к тому моменту торгово-экономическая политика империи. Ее мощь располагала к свободе действий, режиму «открытых дверей». Но это была лишь видимость торговой свободы, ибо связанные с этим действия ставились под бдительный государственный контроль, прежде всего в столице, где иноземцы не могли конкурировать на равных. Тем не менее византийский «меркантилизм» не стал коммерческой системой, а правящие круги ограничивались в VI-IX вв. лишь тем, что настойчиво накладывали запреты на вывоз и ввоз определенных товаров, стремились не только сохранить, но и увеличить в империи массу денег и драгоценных металлов, осуществляли выборочное таксирование цен и прибылей, требовали публичности продажи, заботились о подвозе на рынки самых необходимых продуктов, принимали некоторые меры, направленные против конкуренции извне, вынуждали иноземцев тратить в империи выручку от продажи, предоставляли монопольные привилегии отдельным торговым союзам или лицам, проявляли внимание к судоходству и его организации и наконец со временем стали больше поощрять развитие ряда отраслей собственного ремесла с целью увеличения их экспортных возможностей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Каратаев Н. К., Степанов И. Г. История экономических учений Западной Европы и России.— М., 1959.
2. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук.— М., 1977.
3. Маршалл А. Принципы политической экономии.— М., 1984.— Т. 3.
4. История экономических учений /Под редакцией Жамина В. А., Василевского Е. Г.— М., 1989.— Ч. 1.
5. Finley M. J. The Ancient Economy.— Berkley; Los Angeles, 1973.
6. История Италии /Под ред. Сказкина С. Д., Котельниковой Л. А., Рутенбурга В. И.— М., 1970.— Т. 1.
7. Большаков О. Г. Средневековые города Ближнего Востока.— М., 1984.
8. Nicole J. Le Livre du Prefet ou L'Edit de l'empereur Leon le Sage sur les corporations de Constantinople.— Geneve, 1893.
9. Andreades A. Byzance, paradis du monopole et de privilege // Byzantion.— Paris, 1934.— Т. 9.
10. Andreades A. L'Empire byzantin et le commerce international // Annali della P. Scuola Normale Superiore di Pisa. Lettere, Storia e Filosofia. Serie 2.— 1935.— Т. 4.
11. История Византии: В 3-х т.— М., 1967.— Т. 2.
12. Курбатов Г. А., Лебедева Г. Е. Город и государство в Византии VII-IX вв. // Становление и развитие раннеклассовых обществ. Город и государство.— Л., 1986.
13. De Laet S. Portorium. Etudee sur l'organisation douaniere chez les Romains, surtout a l'epoque du Haut — Empire.— Brugge, 1949.
14. Летопись византийца Феофана от Диоклетиана до царей Михаила и сына его Феофилакта /Пер. Оболенского В. И., Териовского Ф. А. — М., 1884.
15. Письма и учет делового Константинополя.— М., 1987.
16. Сорочан С. Б. О понятии «спекуляция» в раннесредневековой Византии // История и археология Слободской Украины. Тез. докл. и сообщ. Всеукр. конф., посвященной 90-летию XII Археологического съезда.— Харьков, 1992.
17. Ducellier A. Les Byzantins: Histoire et culture.— Paris, 1988.
18. Сюзюмов М. Я. Ремесло и торговля в Константинополе в начале X в. // Византийский временник.— 1951.— Т. 4.
19. Ahnweiler H. L'escale dans le monde byzantin // Les grands escales: Recueil de la Societe Jean Bodin.— Paris, 1974.
20. Browning R. Iustinian and Theodora.— London, 1975.
21. Чекалова А. А. Константинополь в VI веке: Восстание Ника.— М., 1986.
22. Курбатов Г. А. История Византии (От античности к феодализму).— М., 1984.
23. Lopez R. S. Silk Industry in Byzantine Empire // Speculum.— 1945.— Vol. 20.— № 1.
24. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV-XVIII вв.— М., 1988.— Т. 2.
25. Черноусов Е. А. Римские и византийские цехи // Журнал Министерства народного просвещения.— 1914.— Сентябрь.
26. Червонов С. Д. Торговля в испанском городе XII-XIII веков (по материалам фуэрос) // Проблемы испанской истории.— М., 1984.
27. Acta et diplomata graeca medii aevi sacra et profana /Ed. F. Miklosich, J. Muller.— Vindobonae, 1887.— Т. 5.
28. Regesten der Kaiserurkunden des Ostromischen Reiches / Bearb. F. Dolger. Reihe A. Abt. 1. Teil 1: Regesten von 565-1025.— Munchen; Berlin, 1924.
29. Thiriet E. Regestes des deliberations du Senat de Venise concernant la Romanie.— Paris, 1958.— Vol. 1.
30. Ellisen A. Analecten der mittel — und neugriechischen literatur.— Leipzig, 1860.
31. Сорочан С. Б. Организация контроля за купечеством в сфере внешней торговли Византии VII-IX вв. // Международные связи в средневековой Европе: Тез. науч. докл. и сообщ. Всесоюз. науч. семинара (25-27 апреля 1991 г.).— Запорожье, 1991.

32. Тодорова Е. К вопросу о товарообмене на Балканском полуострове в период раннего средневековья // Этносоциальная и политическая структура раннефеодальных славянских государств и народностей.— М., 1987.
33. Берадзе Т. Н. Мореплавание и морская торговля в средневековой Грузии.— Тбилиси, 1989.
34. Хвостова К. В. Некоторые вопросы внутренней торговли и торговой политики в Византии XIV-XV вв. // Византийский временник.— 1989.— Т. 50.
35. Daresté L. La lex Rhodia // Nouvelle revue historique de droit français et étranger.— Paris, 1905.— Ал. 29.
36. Antoniadis-Bibikou H. Etudes d'histoire maritime de Byzance.— Paris, 1966.
37. Zepos P. Les reglements juridiques sur la navire en droit byzantin // La navigazione mediterranea nell'alto medioevo.— Spoleto, 1978.— Т. 2.
38. Шандровская В. С., Ковачева А. Б. XII Всесоюзная сессия византинистов, посвященная 950-летию Софийского собора и Золотых ворот Киева // Византийский временник.— 1989.— Т. 50.
39. Kazhdan A. P., Constable G. People and Power in Byzantium: An Introduction to Modern Byzantine Studies.— Washington, 1982.
40. Цанова Ю. А. Византийское стеклоделие V-XII вв.: организация производства // XVIII Международный конгресс византинистов. Резюме сообщений.— М., 1991.— Т. 2.
41. Сюзюмов М. Я. Экономические воззрения Льва VI // Византийский временник.— 1959.— Т. 14.
42. Oikonomides N. Tribute or Trade? The Byzantine-Bulgarian Treaty of 716 // Studies Slavico-Byzantina et Mediaevalia Europensia.—Sofia, 1988.— Vol. 1.
43. Мученичество 60 новых святых мучеников, пострадавших во святом граде Христа под владычеством арабов /Пер. Дестуниса Г. С. // Православный Палестинский сборник.— СПб., — 1892.— Вып. 34.— Т. 12.— Вып. 1.
44. Сборник палестинской и сирийской агиологии Изд. А. И. Пападопуло-Керамевса, пер. Латышева В. В. // Православный Палестинский сборник.— СПб., 1907.— Вып. 57.— Т. 19.— Вып. 3.
45. Культура Византии вт. пол. VII-XII вв.— М., 1989.
46. Кадеев В. И., Сорочан С. Б. Экономические связи античных городов Северного Причерноморья в I в. до н. э.— V в. н. э.— Харьков, 1989.
47. Сорочан С. Б. Мифы и реалии херсонесского хлебного экспорта // Древности.— Харьков, 1994.
48. Сорочан С. Б. Херсонес в системе константинопольской торговли IV — первой половины VII вв. // Проблемы исследования античного и средневекового Херсонеса 1888-1988. Тез. докл.— Севастополь, 1988.
49. Nicetai Pathlagonae laudatio, S. Iocanthi Amastridensis // Migne J. Patrologia cursus completus. Series graeca.— Parisiis, 1864.— Т. 105.
50. Magoulias H. J. Byzantine Christianity. Emperor, Church and the West.— Detroit, 1982.
51. Сорочан С. Б. О торгово-экономической политике Византии в Нижнем Подунавье в VI-X вв. // Болгарский ежегодник.— Харьков, 1995.— Вып. 2 (в печати).
52. Натан Ж. История экономического развития Болгарии.— М., 1961.
53. Цанкова-Петкова Г. Първата война между България и Византия при цар Симеон възстановяването на българската търговия с Цариград // Известия на Института за история.— София, 1968.— Т. 20.
54. Malich B. Der Sogenannte Wirtschaftskrieg zwischen dem Zaren Simeon (893 bis 927) und den Byzantinischen Reich als Ausdruck der gewachsenen Stärke des Bulgarischen Staates // Jacherbucher für Geschichte der sozialistischen Länder Europas.— Berlin, 1983.— Bd. 26.— № 2.
55. Византийская книга Эпарха / Вступ. статья, пер., коммен. Сюзюмова М. Я.— М., 1962.
56. Прокопий Кесарийский. Война с персами / Пер., статья, коммен. Чекаловой А. А.— М., 1993.
57. Эклога. Византийский законодательный свод VIII века / Пер. Е. Э. Липшиц.— М., 1965.
58. Corpus juris civilis. Vol. 1. Digesta / Rec. Th. Mommsen.—Berolini, 1908.
59. Corpus juris civilis. Vol. 2. Codex Justinianus / Rec. P. Krueger.—Berolini, 1895.
60. Basilicorum libri LX. / Ed. C. G. E. Heimbach.— Lipsiae, 1833-1870.— Vol. 1-6.
61. Noailles P., Dain A. Les Nouvelles de Leon VI le Sage. Texte et traduction.— Paris, 1944.

62. Procopii Caesariensis Historia arcana // Opera omnia / Rec. J. Haury.— Lipsiae, 1906.— Vol. 3.— Pars. 1.
63. Patriarche Nicephore Opuscula historica / Rec. C. de Boor.— Lipsiae, 1880.
64. Theophanes Continuatus Chronographia // Theophanes Continuatus. Ioannes Cameniata. Symeon Magister. Georgius Monachus / Rec. I. Bekker.— Bonnae, 1838.
65. Epanagoge (corrigenum: Eisagoge!) Basilii, Leonis et Alexandri / Ed. C. E. Zachariae a Lingenthal.— Lipsiae, 1892.
66. Georgius Cedrenus Ioannis Scylitzae ope ab I. Bekkero.— Bonnae, 1839.— T. 2.
67. Nicephori Gregorae Byzantina historia / Ed. L. Schopeni.— Bonnae, 1829.— Vol. 1.— 1855.— Vol. 3.
68. Corpus iuris civilis. Vol. 3. Novellae / Rec. R. Schoell.— Berolini, 1904.
69. Theophanis Chronographia / Rec. C. de Boor.— Lipsiae, 1883.— T. 1.
70. Thedosiani Libri XVI constitutionibus / Ed. Th. Mommsen, P. M. Meyer.— Berolini, 1905.— Vol. 1.— P. 2.
71. Georgii Acropolitae Opera / Rec. A. Heisenberg.— Lipsiae, 1903. — Vol. 1.
72. Ecloga privata aucta // Ius graeco — romanum / Ed. C. E. Zachariae a Lingenthal.— Lipsiae, 1865.— T. 4.
73. Zepos J. et P. Ius graeco — romanum.— Athenai, 1931.— T. 2.
74. Themistii orationes quae supersunt / Rec. H. Schenkl, ed. G. Downey.— Lipsiae, 1965.— Vol. 1.

Summary

The consideration of different signs of «mercenary spirit» in the trad economic policy of Byzantium early middle ages permits to conclude that this and «not real mercantilism» presented not a system of consecutive measures but separate and sometimes steady elements, which wereconnected mainly with the economy of the empire capital and had prospects to stability and growth especially in IX century. Though all possibilities were style available, the ruling circles of Byzantium in VII-IX centuries did not follow the course of conscious «mercantilism» in trade policy and limited themselves by impressing bans on export and import of certain goods; tried not only to keep money and precious metals bulk, but to increase it and carried out selected taxation of prices and profits, demanded public sellings, took care of bringing their goods to the markets, directed measures against outside competition, forced foreigners to spend profits from their sellings in the empire, gave the monopoly privileges to separate trade unions and persons, paid attention to navigation and in the long team stimulated a number of their own crafts in order to increase their export possibilities.